

Елена Ленковская

Марш оловянных солдатиков

историко-приключенческий
роман

Елена Ленковская

**Марш оловянных солдатиков.
Историко-приключенческий роман**

«Издательские решения»

Ленковская Е.

Марш оловянных солдатиков. Историко-приключенческий роман /
Е. Ленковская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967888-1

Современные пятиклассники Луша и Руся Раевские пока не знают о клубе хронодайверов, они просто попали в серьёзную переделку. Полёт на воздушном шаре, знакомство с Кутузовым, партия в шахматы с Наполеоном... — приключения героев, неожиданно для себя попавших в прошлое, происходят на фоне реальных исторических событий: отступление русской армии, московский пожар, готовящийся взрыв Кремля. Есть ли у близнецов Раевских шанс спасти Кремль? Помогут ли отвага и бескорыстие вернуться домой, в будущее?

ISBN 978-5-44-967888-1

© Ленковская Е.
© Издательские решения

Содержание

Что происходит?	6
Кругом солдатики	8
Луша не хочет быть мышью	14
Капитан «адской машины»	17
Полёт	21
Водяной	24
В плену у своих	26
Партизанщина	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марш оловянных солдатиков Историко-приключенческий роман

Елена Ленковская

© Елена Ленковская, 2019

ISBN 978-5-4496-7888-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что происходит?

Русе снился знакомый радостный гул: плеск воды, пронзительные короткие свистки, бодрые выкрики тренеров. Руся любил плавать в бассейне. Обычно он нырял в этот весёлый мокрый шум, очертя голову, и резвился вместе с другими мальчишками в своё удовольствие: вплоть до самого финального свистка, и даже чуточку дольше. Хм, обычно...

Мальчик поглядел в воду. Пучеглазые пацаны – в плавательных очках и шапочках из яркого латекса – червяками извивались в воде, в обнимку с полосатыми поплавками-«колобашками». Странно, никогда не думал, что они сверху выглядят так по-дурачки.

Главное, мелкие все какие. Ишь, смотрят, пальцами на меня показывают. Смеются, что ли? Отсюда, вообще, всё таким маленьким кажется...

Нужно было прыгать. Внутри усилился знакомый холодок. Ну, Раевский, давай! Толкнулся и летишь! Нет. Не летишь... Надо руки по швам. Руки – не крылья. По швам, чтоб в стороны не разлетались. Настоящим солдатиком. Ну!

Руся зажмурился и шагнул вниз.

Ему показалось, что под водой он провёл целую вечность. Не мог же он так глубоко нырнуть!

Воздух в лёгких кончался. Из последних сил Руся рвался вверх.

Наконец, сделав яростный толчок, он буквально вылетел на поверхность. Жадно хватая ртом воздух, Руся попытался сделать гребок в сторону бортика. Не тут-то было.

Что это? Яблоки?! Резко дёрнув руками и ногами, Руся опрокинулся набок вместе с корзиной крупного душистого апорта. Яблоки, подпрыгивая, поскакали по земле. На спину Руси градом посыпалась вторая корзина, а за ней – третья. Совершенно ошарашенный, он барахтался в яблоках, тщетно пытаясь встать хотя бы на четвереньки – ну, словно какой-нибудь малец в куче пластмассовых шариков в игровой комнате. Да что происходит? Что за...

А-а-а! Руся взвыл от боли: ухо пребольно стиснули железные тиски.

– Ах ты, шпана... Да я тебе...

Руся рванулся так, что ухо затрещало и, похоже, осталось в чьих-то железных пальцах, и дал дёру через гору арбузов, устроив оползень. Арбузы катились, кругом кричали и улюлюкали. Послышался пронзительный свист. Перепрыгивая через гогочущих гусей, корзины с яйцами, клетки с птицей, лавируя между кадками и ящиками, сбивая с ног разносчиков, увешанных связками баранок, Руся домчался до глубокой лужи. Через лужу были переброшены дощатые мостки.

Поскользнувшись на перемазанных глиной досках, он с размаху шмякнулся в густую вонючую жижу. Грязные брызги полетели во все стороны. Свист не унимался. Руся в три прыжка преодолел лужу и помчался дальше.

Он вылетел с рынка на улицу, весь облепленный глиной, с ключьями пакли и какими-то перьями в волосах.

– Ой, ну и чучело! – разряженная девица лет двенадцати стояла на тротуаре у витрины кондитерской, тарасила на Русю свои мальвиньи глаза и лопотала с гувернанткой по-французски. – Ну, не дурак ли?

– Сама дура! – взбешённый, тоже по-французски огрызнулся Руся. – ... Твоё какое дело, кукла крашенная?

О, как это я? По-французски, что ли, ляпнул? Что это, вообще?

Сзади опять засвистели.

– Держи его!

Руся, не оглядываясь, бросился бежать.

Наобум пропетляв по многочисленным кривым переулкам, Руся наконец оторвался от преследователей. Тяжело дыша, уселся прямо на землю. Что происходит? Что это – сон?

Нет, точно не сон. Всё было по-настоящему. В самом деле, всё было реально, даже слишком. Ухо горело. Руся поднял кулак и погрозил невидимому обидчику. Вот гад! Чуть не оторвал. Никаких понятий о неприкосновенности личности.

Кстати, о личности. Руся придирчиво осмотрел себя: босиком и в одной пижаме. Любимая пиратская пижама вся в грязище – оскалившийся свирепый череп в бандане, украшавший грудь, больше не виден под слоем рыжей глины.

Куда это он попал? Кино тут, что ли снимают? Люди все так странно одеты, вывески с ятями... Не, это не киностудия – дома и улицы настоящие, целый город вокруг.

Руся задумался. Уж не в прошлом ли он проснулся?

Всё странно. А как он девицу эту расфуфыренную отбрил? По-французски!!! Такого Руся вообще от себя не ожидал...

А что это в кулаке? Неужели... Мальчик медленно разжал перепачканные пальцы. На ладони лежал оловянный солдатик. Руся озадаченно почесал бровь. Кое-что медленно прояснялось.

Ну, дела! Нырнул так нырнул.

А ведь ещё вчера всё было вполне обыкновенно. Прыгнув в воду с вышки, он не выныривал из яблок. А также не бегал, сломив башку, по незнакомому городу в одной пижаме, и не трепался с девушками по-французски. Он, как примерный ученик, собирался утром в школу...

Кругом солдатика

День вчера начался раньше обычного. Ничего сверхъестественного, просто летние каникулы кончились...

Вставать, конечно, не хотелось. Поэтому, когда в восемь утра наспех умытый Руся явился, наконец, на кухню, Луша уже допивала чай.

Сестра скептически осмотрела всклокоченную голову Руслана, и поинтересовалась, смотрелся ли он в зеркало.

– Зачем? – фыркнул Руся. – Ты – моё отражение. И так тебя каждый день вижу, с утра до вечера, ещё я буду в зеркало смотреться?

В самом деле, если вы с сестрой – близнецы, в вашей жизни гораздо больше отражений.

– Я-то – причёсанное отражение! – самодовольно сообщила ему Луша. – В отличие от некоторых...

Руся повёл носом. Вкусно пахло гренками.

На столе стоял стеклянный чайничек, в его янтарной глубине плавал солнечный зайчик.

Руся лениво похрустел остывшей гренкой. Положил подбородок на стол, придвинул чайничек к самому носу: было забавно смотреть сквозь него на всё вокруг.

– Ты будешь есть или нет? Опять из-за тебя в школу опоздаем!

– Опять? – Руся пожал плечами. Вечно Лушка преувеличивает, точь-в-точь как мама. – Мы всё лето не опаздывали! Сегодня же 1 сентября. Первый раз в пятый класс! Кстати, где мама?

– Они с Федюнькой на занятия ушли.

Федюньку, пятилетнего брата Луши и Руси, с утра пораньше водили то на танцы, то в бассейн, то на детское карате. Поэтому близнецы часто завтракали без маминого присмотра. Папы сегодня тоже не было дома – два дня назад он уехал в командировку.

Луша энергично сгрела со стола пустые чашку и блюдца, и потянулась за чашкой брата. Руся запротестовал:

– Подожди, допью!

– Тогда сам убирай, – хмыкнула девочка и вышла из кухни.

– Чур, я на велике поеду! – закричал ей вслед Руся.

– А я?! – раздался из прихожей вопль разочарования.

– А ты в новом платье. Дамы на велосипедах не ездят.

Молчание. Совестьливый Руся уже готов был выразить сестре сочувствие, однако Луша унывать не собиралась.

– Дама поедет на роликах! – бодро заявила она, щелкая застёжками коньков.

– Наколенники не забудь!

Лушка беспечно отмахнулась.

В начале девятого они вместе с букетами и ранцами загрузились в лифт. Утреннее солнце слепило глаза сквозь голубоватое стекло. Руся прищурился.

С двадцать седьмого этажа сквозь прозрачную шахту лифта городской пруд и старинная плотина были видны как на ладони.

– Смотри, такая рань, а гребцы уже тренируются! – Луша глядела под ноги. Внизу, у ближайшего берега, скользили по воде быстрые водомерки байдарок.

Руся скривился. Глядеть прямо под ноги с двадцатого этажа? Такие упражнения у него энтузиазма не вызывали. От таких, с позволения сказать, взглядов – никакой радости, только противный холодок внутри. Легче упаковку мятной жевачки проглотить.

Лифт бесшумно и плавно опускался. Наконец-то, первый этаж. Руся вздохнул свободнее.

Ребята очутились в холле. Руслан отцепил от стойки велосипед и выкатил его на улицу. Луша уже выписывала восьмёрки по ровной площадке перед домом, в каждой руке у неё было по букету – один свой, другой Русин. Луша размахивала астрами и распевала что-то невразумительное.

– Подвезёшь мою сумку?

Руся не возражал. Какое-то время он провозился, прищёлкнув оба школьных ранца к багажнику, и они погнались. Быстро, как всегда.

В школе тоже всё было, как всегда. Обычное первое сентября, ничего особенного.

Цветы, улыбки – всё как водится. Знакомые лица, загорелые и повзрослевшие, крепкие мальчишеские рукопожатия, радостные девчачьи визги – как же, всё лето не виделись! Весёлая толкотня и хохот, смешные маленькие первоклашки, оживлённые нарядные учителя, первый звонок, второй звонок, потом третий... Уроки, перемены, уроки. Последним – физкультура в бассейне. Ничего неожиданного, всё по расписанию... М-да, физкультура...

Вообще-то Руся любил «физру», а плавание так просто обожал. Но первый в этом учебном году поход в бассейн омрачило одно обстоятельство. Вспоминать о нём ему не хотелось.

После урока они с сестрой вышли из влажной, пропахшей хлоркой атмосферы на свежий осенний воздух. Луша сразу заметила, что Руся не в духе. Расспросы ни к чему не привели – он только отмахивался. Лушка была не в курсе, потому что вместе с другими девочками весь урок прозанималась аква-аэробикой в дальнем углу. Что ж, тем лучше...

Зато дома их ждал сюрприз. Неожиданно рано вернулся из командировки папа. Руся сразу повеселел. Остальные дети тоже были довольны. К тому же, папа привёз с собой какой-то свёрток. С видом фокусника-любителя папа положил свёрток на стол в гостиной, и сказал, потирая руки:

– Я привёз игрушки, только, чур, они не для игры.

– Как это? – не понял Федюня. Руся тоже разочарованно поднял брови.

– Сейчас увидите.

Дети столпились вокруг стола. Папа поспешно сорвал обёрточную бумагу с серой картонной коробки, и открыл крышку. Коробка была полна мелких пенопластовых шариков. Папа погрузил в коробку руки и принялся доставать оттуда оловянных солдатиков, одного за другим. Лицо его сияло.

– Очень редкие экземпляры. И почти даром достались.

В гостиную зашла мама.

– Смотрю, у вас тут настоящий парад? – Две шеренги солдатиков уже стояли на столе и отлично держали строй.

Папа повернул счастливое лицо к маме, и несколько виновато улыбнулся:

– Вот, купил. В антикварной лавке. Видишь, часть коллекции – российская армия, часть – французы. Форма 1812-года.

– Это кто? – спросил Федюня, показывая пальцем на одну из фигурок.

– Наполеон. Он у французов главный был, – ответил папа.

– Он сильный? Сильнее Ильи Муромца?

Руся с Лушей так и прыснули. Папа, улыбаясь, потрепал Федюню по голове.

– У него было много войска.

– И он всех победил?

– Нет, его победили.

– Вот так? – Федюня схватил сразу двух солдатиков и – дыщ-дыщ-дыщ! – стал одним колотить другого.

– Стоп! – папа молниеносно схватил Федю за руки. – Олово – мягкий металл, у солдатиков могут легко погнуться султаны или пики.

– А мы хазогнём! – беспечно прокартавил Федя.

– Вот-вот, согнём-разогнём! Так они, в конце концов, и сломаются! – И вообще, это – коллекционные фигурки довольно почтенного возраста. Играть ими не стоит. Можно посмотреть и поставить на полку.

Федюня скорчил недовольную физиономию и собрался пуститься в рёв.

– Федя, не плачь. Ты же собираешься сегодня холодное оружие делать, – пришла на помощь мама.

– Точно! Где мой тхезубец? – тут же утешился Федя, и убежал на кухню.

– Куда это он? Какой тхезубец? – удивился папа.

Мама засмеялась.

– Сейчас вилку в морозильную камеру засунет. Ребёнок считает, что холодное оружие должно быть холодным. В буквальном смысле.

Папа расхохотался, обнял маму, и они пошли вслед за Федей.

– Вот ведь жук этот Федька – согнём-разогнём... – смеясь, повторял папа. – А я им ещё про магическое число олова не рассказывал... представляешь... – конец загадочной фразы смешался со звоном кухонной посуды.

Руся бросил взгляд на полку с солдатиками.

– Вечно всё нельзя! – пробурчал он.

Луша согласно вздохнула, и они отправились в детскую, учить уроки. Вот что за люди эти учителя! Только первое сентября, а домашних заданий уже куча целая...

С уроками расправились только к ужину, даже с Федюней не поиграли. Тот расстроился. Сразу после ужина надутого зарёванного Федьку отправили спать.

Стемнело. Руся, уже в пижаме, возился с мелкими пластмассовыми человечками из конструктора. Перед сном он осматривал своё войско, всех этих рыцарей, индейцев, гномов, орков и дроидов. Нужно было пересчитать потери поломанными и пропавшими без вести где-то под диваном в гостиной. Покончив с этим, Руся предложил сыграть в войнушку сестре – на всякий случай, вдруг согласится.

– Ой, да ну! – по обыкновению закапризничала Луша. – В войнушку со своим Макаром играй. Или вон, с Федюней, сколько раз говорить...

– Лу-у-ша-а! – заныл Руся Федюнькиным голосом. – Ну давай тогда в ша-ашки.

– Ну, давай, – обречённо вздохнула та. Потом вдруг опомнилась: – Русь, так ведь шашек не хватает?

Обрадованный её согласием, Руся произвёл несколько воинственных движений, со свистом рассекая воображаемой саблей воздух:

– А мы человечков поставим.

– Да ну, они мелкие и лёгкие. С доски вечно валятся.

– Да, лучше что-нибудь потяжелее! Папиных солдатиков, например. – Глаза у Руси загорелись. – Да-а, тогда была бы настоящая битва...

– Давай возьмём. Поиграем и вернём на место. Он и не заметит.

Руся сконфузился. Обманывать он не любил.

– Эх, ты! Вообще-то это была твоя идея, – сказала Луша, глядя в карманное зеркальце и поправляя чёлку. – Сколько можно тебя опекать?

И девочка решительно открыла дверь.

– Лу, может не надо?

– Идём. Мне одной всё не унести. А ронять их нельзя, сам знаешь.

Через две минуты они вернулись в детскую и кучей свалили солдатиков на Лушиной кровати.

– Я, чур, за наших, – заявил Руся, энергично наскакивая на невидимого врага и нанося ему разнообразные удары.

– Ха-ха, тогда я первая хожу, – оживилась Луша, потирая ладошки.

– Почему это? – возмутился было Руся. – А ну-да, «французы» будут «белыми». А «русские» какие-то почти бронзовые. Это вообще олово, или что? – спросил он, колупая фигурку ногтем.

– Папа же говорил – это олово с чем-то там. Ну, я не помню, – отмахнулась Луша.

Они проворно расставили вместо шашек фигурки оловянных солдатиков и устали на доску.

– Всё, Руся, я хожу! Не забывай, кстати, что французы и в самом деле первыми напали!

– Ходи! – вздохнул Руслан. – Так и быть. Будем исторически точны!

Они сыграли партию, потом другую. Перевес был на Русиной стороне: войско Наполеона всё время проигрывало. Историческая точность торжествовала.

Луша от этого заскучала и начала зевать. Они собрали фигурки и по тёмному коридору босиком прокрались к дверям гостиной.

– Стой! Там кто-то есть!

Руся наткнулся на Лушу, солдатик в подоле его пижамы громко звякнули.

– Тише ты!

Полупрозрачная дверь в гостиную была приоткрыта. По лицам детей забегали разноцветные отсветы – это мама включила телевизор.

– По сообщениям информационных агентств, пропажи детей в странах Северной Европы продолжают. Согласно бу-бу-бу... это уже восьмой подросток. Полиция не обнаруживает ни малейших следов... бу-бу-бу... Они просто исчезают и всё. Подобное сообщение пришло также из Испании, где...

Луша сделала большие глаза.

– Ты слышал?

– Ерунда! – зашептал Руся прямо в ухо сестре. – Эти журналисты вечно что-нибудь придумают. То у них свиной грипп, то дети исчезают...

А вот мама встревожилась. Только Руся не обратил на это внимания. Ну, мамы же вечно беспокоятся, известное дело...

– Саша! Это ты? Иди сюда скорее! – донёсся из-за двери мамин взволнованный голос.

– Папу зовёт. Мы влипли!

Они попятились в темноту и затаили дыхание. Папа не отзывался. Зато бубнение телевизора стало отчётливее, видно, мама добавила громкость.

– И вот, сенсация – сегодня сразу два подростка вернулись домой. Судя по их рассказам, оба они побывали... в прошлом! Генри Чизрайт и Альфред Свенссон, пропавшие три недели назад, рассказывают всё в красочных подробностях. Самое поразительное – эти дети не знакомы между собой и проживают в разных странах. Один из мальчиков, англичанин Генри Чизрайт, по его уверениям оказавшийся в Средневековой Германии, теперь легко изъясняется по-немецки...

– Обалдеть!

– Что-то мне не верится. Это не научно. Да это не новости, а фильм, наверное, какой-то!

Тем вечером он вправду так думал. Вообще не придавал услышанному никакого значения. А теперь выходит – не ерунда и не выдумки?

Они с Лушей постояли ещё немного, вслушиваясь в странные речи диктора. Первой опомнилась сестра:

- Пойдём к себе, пока папа нас здесь не застукал!
- Может зайдём, маме признаемся и на место поставим? – предложил Руся. Его грызла совесть. – Мама простит. Может, и папе не скажет.
- Ну уж нет. Я не собираюсь рисковать. Конный клуб отменят, как в тот раз. Лучше завтра встанем пораньше, и отнесём, пока все спят. Авось, не заметят.

И они отправились спать. Забираясь по лесенке на свою чердак-кровать, Руся спросил Лушу:

- Ну что, продолжим наш эксперимент?

Они уже несколько дней пытались увидеть один и тот же сон на двоих. Несколько раз в жизни с ними случалось что-то подобное. Руся считал, что всё дело в регулярных упражнениях. Нет, в самом деле. Нужно наловчиться думать об одном и том же, когда засыпаешь. Тогда успех обеспечен.

– Давай про 1812-й год думать? – предложил Руслан, вертя в руках фигурку французского барабанщика.

Луша вздохнула.

- У меня, Русь, мысли так и скачут. Я сразу про всё думаю.
- «Смешались в кучу кони, люди?» – Руслан понимающе хихикнул. Потом свесил голову вниз и возбуждённо зашептал:

– Эврика! Лу! Я придумал для тебя напоминалку. Возьми солдатика и держи его в руке. Это поможет тебе не отвлекаться на посторонние мысли.

Послушно прошлёпав к столу, Луша взяла горниста.

- Ты, Руся, тоже возьми какого-нибудь.

– Да я и так взял.

– Ну, спокойной ночи?

– Ага. Давай, погнались!

Руся тут же закрыл глаза и попытался сосредоточиться на нужных мыслях. Но думалось ему совсем о другом.

В бассейне, куда они ходили всем классом, он прыгал сегодня с вышки.

Поначалу было страшно. Прыгнуть решились не все. Хорошо его дружку Макару – он в секцию ходит и там прыжками в воду занимается. А вот Лёха, тот вовсе – постоял-постоял и спустился вниз пешим ходом. Так и не осмелился. Руся его понимал: забравшись на пятиметровую вышку, он тоже долго стоял и слез-таки обратно по ступенькам. Разумнее было пока ограничиться трёхметровой...

Перед своим первым прыжком Руся минут десять собирался с духом. Потом зажмурился и прыгнул. А когда вынырнул, физрук, подмигнув, громко сказал ему:

- Руслан у нас прыгает «испуганным солдатиком».

Пацаны слышали и заржали.

– Как это? Почему? – удивился мокрый Руся, с усилием вылезая из воды на бортик бассейна.

- Потому что стойкий оловянный солдатик руки держит по швам!

Руся прыгнул ещё, потом ещё, но всякий раз, пока он, зажмурившись от страха, падал вниз, руки его сами собой разлетались в стороны. Так он и прыгал – испуганным солдатиком.

И пацаны всё время ржали, хотя некоторые из них и плавают-то кое-как, а к вышке их физрук просто не подпускает. Уходя из раздевалки, Руся слышал: пока, испуганный солдатик Раевский! Вдогонку понеслось противное ржание. Дураки!

Испуганный солдатик. Это было обиднее мистера Бубенчика. Так во втором классе назвала Русю учительница ритмики, когда он в очередной раз забыл чешки дома: металличе-

ские застёжки его сандалий во время танца громко звякали. Мистер Бубенчик приклеился к нему на какое-то время. Мама считала это прозвище ничуть не обидным, а Руся страшно бесился. Правда, стоило ему неожиданно для всех выиграть школьную олимпиаду по математике, дразнить Бубенчиком его тут же перестали...

Размышляя обо всём об этом, Руся незаметно заснул. Ему снился урок физкультуры. Во сне он непременно, просто кровь из носу, должен был прыгнуть с пятиметрового трамплина. На спор. Чтоб знали... Никакой я не испуганный солдатик, зарубите себе на носу!

Руся решительно подтянул плавки и посмотрел вверх. Снизу-то не страшно. А вот сверху...

От одного только воспоминания о том, каким маленьким кажется бассейн оттуда, у Руси ослабли коленки. Но он закусил губу и, ощущая сквозняк где-то желудке, медленно полез на вышку.

Луша не хочет быть мышью

– Чёрт побери, металлические пружины опять сломались. Всё дело в качестве стали. Здешняя никуда не годится. Всё приходится выписывать из заграницы! И рабочих, и английскую сталь.

– Думаю, всё же, господин Леппих, большая удача, что русские заинтересовались вашим проектом. Ведь они вкладывают в него уйму денег!

– Господин Шефлер, не забывайте, что я здесь инкогнито! Мы с вами не в Вюрцбурге. Здесь, в России, я – доктор Шмидт. Называйте меня Шмидтом.

– Полноте, Франц, мы здесь одни. К тому же усадьба охраняется: полторы сотни гренадеров, драгуны... Да-а. Наполеон прогадал, отказавшись от вашего предложения построить управляемый воздухоплавательный аппарат.

– О-о, сначала он выслал меня из Франции за шарлатанство. А потом – опомнился. Шпионы Бонапарта чуть не схватили меня в Германии, где я...

...Луша открыла зажмуренные глаза. По-прежнему ничего не было видно.

– Какой странный «исторический» сон, – подумала она. – Что-ли я с головой укрылась? Постепенно обнаружилось, что Лушины лопатки упираются в стену, а нос – в тяжёлую пыльную портьеру.

Разговор с той стороны портьеры продолжался. Луша догадалась, что говорят на другом языке. Как ни странно, она всё прекрасно понимала. Кажется, говорили по-немецки. Чесался нос. Кстати, сон ли это? Нос, например, чесался по-настоящему. Сильно чесался, прямо как наяву!

Луша снова прислушалась.

– Бонапарт сначала отказал, а потом испугался, что я предложу машину русским. Русские оказались более дальновидными. Да-с! А про Наполеона я знаю одну историю. Хотите, расскажу?

– Любопытно.

– Знаете Бланшара?

– Как же. Ваш коллега. Впрочем, лично не знаком.

– Ну, Бланшар – личность известная. Аэронавт, изобретатель. Устраивал показательные полёты на воздушных шарах. Катал, знаете ли, господ-любителей острых ощущений. За большие деньги, разумеется. Эти полёты наделали много шуму по всей Европе... Да вы ешьте, ешьте, Шефлер! У этих русских очень вкусная бо-твинь-а. Не запутайтесь, они подают её сразу в трёх тарелках – одна с рыбой, другая с супом, третья – со льдом.

До Луши донеслось швыркание и звяканье ложек.

– Рыбку, рыбку. А теперь лёд, лёд. Прямо в суп кладите, – сквозь хлюпанье настойчиво предлагал первый голос.

В ответ послышалось нечленораздельное мычание.

Прожевав, первый удовлетворённо продолжал:

– Так вот, Бланшар. Когда он устраивал свои полёты в Париже, к нему пришёл один кадет военной школы. Просил взять с собой. Да только денег у кадета не доставало, а мой коллега благотворительностью никогда не занимался...

Повисла пауза. Затем послышалось довольно злорадное хихиканье.

– Тому кадету, знаете ли, потом здорово влетело от старшего офицера. Мол, вздумал мундир свой позорить – летать, будто ярмарочный шут. Догадайтесь, кто этот жалкий неудачник?

Молчание.

– Ну?

– Неужели?

– Вот именно. Хо-хо! Это был никто иной, как Наполеон!

Смеются. Противная пыльная занавеска елозила прямо по Лушиному лицу. От этого всё сильнее и сильнее свербило в носу. Не выдержав, Луша тоненько чихнула. Портьера шевельнулась. Одним чихом не обошлось. Девочка чихнула снова, а потом ещё и ещё.

– А-а, майн готт! И здесь эти мыши! – воскликнул первый довольно раздражённо.

Что-то преобильно стукнуло Лушу по лодыжке. Чем это он в меня кинул? Своим башмаком, что ли?

– Вот ещё незадача. В оболочке малого шара вчера обнаружилась громадная дырища. Доктор Шефлер, это мыши! Проклятые мыши проели тафту.

– Думаю, всё дело в пропитке, герр механик. Вы пропитали шёлк лаком, а его запах привлекает мышей. Надо обзавестись кошками, вот мой совет.

– Ага! Где мой волшебный Йордан? Он не то что кошек, он самого чёрта из пекла достанет.

Послышались уверенные шаги. Совсем близко! Луша затаила дыхание. Портьера зашевелилась. Доктор Шмидт пристукнул каблуком, обувая брошенный в мышей башмак.

Тут в комнату вошел кто-то ещё.

– Доктор Шмидт, вас господин Фейхнер велели позвать. Господин военный губернатор Москвы граф Ростопчин изволили пожаловать.

– Проверка? – спросил тихо доктор медицины.

– Граф уверяет, что написал в донесении к государю императору, что любит мою машину как собственное дитя, – усмехнувшись, процедил доктор Шмидт.

– Спасибо, ми уже идём, – коверкая слова, громко сказал он по-русски.

Все трое вышли из комнаты.

Луша боком вылезла из-за душной плотной портьеры и с облегчением вздохнула.

Она оказалась в просторной зале с расписным потолком. У стен стояли старинные стулья с завитушками, посередине – стол с остатками то ли позднего завтрака, то ли раннего обеда.

Луша с любопытством огляделась. Если это сон, где же её разлюбезный братец? Смотреть вместе один «исторический» сон – это ведь была Русина идея...

Руси рядом не было. Сквозь высокие окна с полукруглым верхом как сквозь решето проливалось в комнату солнце. Квадратные лужи света лежали на полу. Они были похожи на «классики».

Ну да, на обычные «классики», какие сотню раз чертила Луша на тротуаре. Мелом, а лучше – краской из баллончика.

Лушины босые ноги сами запрыгали по дорогом наборному паркету. Я и прямо, я и боком, с поворотом и... Внезапно она остановилась.

– Интересно Русе такой же сон приснился или нет? И вообще, как-то не похоже, что я сплю... А вот вчера-то – по телевизору говорили, что дети пропадают...

Луша охнула и зажала себе рот ладошкой. Мамочка! Караул! Я в прошлом!

А впрочем...

Луша подняла голову и посмотрела в окно.

– Ой, как интересно!

За окном висел кит.

– Ух-ты! – Девочка зачарованно прижалась лбом к стеклу.

Огромная оболочка аэростата и впрямь напоминала кита, только немного сморщенного. Тряпочный кит вяло трепыхался, развешенный на деревянных столбах. Он нависал прямо над большой лодкой.

Рядом суетились люди. Их было довольно много.

Лодка, кстати, была красивой. Луша видела похожую на старинной гравюре из Руськиной энциклопедии. Там она называлась гондолой.

– Где всё-таки Руська? – с беспокойством подумала Луша. – Как бы он не пропал без меня. Он ведь такой... мечтательный. Ему бы эта лодка наверняка понравилась. Он любит всё такое старинное... Пиратов там всяких, рыцарей.

Луша озабоченно нахмурилась. Надо трезво поразмыслить, куда она попала, что делать дальше, а главное – как найти брата.

Ну и что, что это – не сон! Луша почему-то не сомневалась, что Руська всё равно должен быть где-то поблизости.

Двухстворчатая дверь в залу внезапно заскрипела. Ой! Сейчас войдут! Луша взглянула на своё убежище. Снова стать мышью она не желала.

Девочка толкнула высокую оконную раму. Та поддалась. Луша высунулась и сморщила нос. Ну и запах здесь, в прошлом. Поглядела вниз – первый этаж, ничего страшного. И она ловко спрыгнула во двор.

Фу-у! Пахло по-прежнему противно.

Зажав двумя пальцами нос, Луша с разинутым ртом разглядывала диковинную конструкцию. Гигантская, словно подвяленная на солнце, рыбина аэростата была надута примерно на треть. Матерчатые хоботы-рукава тянулись от неё ко множеству бочек.

Вокруг сновали рабочие. Слышался стук топоров, визг пилы, какой-то металлический скрежет и звяканье.

Луша, осмелев, подошла поближе.

– А ты чего тут? Швея, что-ли? – высокий строгий дядька поймал Лушу за руку. Луша возражать не решилась. – Ну-ка, марш крылья шить. Эй, Михеич, забери-ка девчонку, путается тут под ногами. Доставь на место. Набрали работников – мал мала меньше... – сердито добавил он.

Михеич, пожилой суетливый мужичок, потащил Лушу к маленькому белому домику, приговаривая:

– Ишь, любопытный вы народ! Нельзя тебе тут. Опасно. В бочках-то кислота самая что ни на есть ядовитая – серная! Да опилки железные. Кислота железо разъедат – водород выделяют. Газ такой. Он, слышь ты, легче воздуха. Как надует еростат, он и подыметя.

– А скоро, дяденька, он подыметя? – полюбопытствовала Луша.

– Эх! – Михеич досадливо махнул рукой. – Обещались за шесть часов управиться, а вишь – два дни прошло, и всё не у шубы рукав. А потом доктор Шмидт к еростату крылья приноровить хочет. Чтоб против ветру, стало быть, летать мог. О как!

Они подошли к белому домику.

– Эй! Принимайте свою белошвейку, – крикнул Лушин провожатый в открытую дверь.

Там что-то отвечали, но Луша не разобрала.

– Откуда мне знать. Начальство велело. Да оденьте девчонку, что она у вас в одной рубашонке гуляет. Эх! Правду говорят – сапожник без сапог. Как звать-то тебя? Лукерья? Ну вот, иди, Лукерья. Да старайся, стежки ровно клади! Глядишь, еростат запустим и врага побьём.

Капитан «адской машины»

Руся стоял в толпе людей и вместе со всеми слушал, как человек в мундире выкрикивает, держа в руках бумагу:

«Здесь мне поручено было от государя сделать большой шар, на котором пятьдесят человек полетят куда захотят, по ветру и против ветра, а что от него будет, узнаете и порадуетесь.»

Шар? Ничего себе! Руся протиснулся вперёд. Человек громко продолжал:

«Если погода будет хороша, то завтра или послезавтра ко мне будет маленький шар для пробы. Я вам заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это от злодея; а он сделан к его вреду и погибели».

Что за злодей-то? Руся озадаченно почесал затылок.

Толпа загалдела, обсуждая услышанное.

– А сказывали – лодку подводную сооружают.

– Не лодку, а оружие секретное.

– Ага, машину, слышь ты, «адскую».

– Да на кой нужна таперича ента лодка, когда проклятый Бонапартий Смоленск взял и посуху к Москве идёт?

«Бонапартий»?! Ого! Это что же я, всё-таки в 1812 год попал? Круто. И, главное, не во сне, а наяву! Значит, идёт война с Наполеоном... А разве тогда в России шары воздушные делали? Интересно!

Толпа редела. Руся, соображая, уставился на свои босые ноги. Хотел бы я знать, что же это за город?

Чисто одетый господин в штатском и в очках пробормотал прямо над ухом мальчика:

– Да-с, идея заманчивая, и воплощение её в жизнь сулит выгоды неопределимые. Интересно бы посмотреть. Вся Москва уже там побывала...

Москва? Точно. Как я сразу не догадался! Ну, Москва так Москва. По крайней мере в Москве они с Лушей были. Даже два раза.

– Эй, кучер! В Воронцово!

Едет на шар смотреть! Надо ловить момент! Мальчик бросился к коляске, в которую сел господин в штатском и уцепился за неё сзади. Мёртвой хваткой!

Руся был весел и горд собой. У него было такое чувство, будто... Будто он читает книжку о себе самом!

В принципе, находиться в прошлом было не так уж и страшно. Распухшее ухо Руся решил в расчёт не принимать. В остальном пребывание здесь походило на костюмированную историческую игру. Было интересно. С Лушкой, конечно, было бы ещё интереснее. Впрочем, девчонкам лучше оставаться дома...

По дороге «мёртвая хватка» стала постепенно сдавать. Сначала она превратилась в «полумёртвую», а потом и в «еле-живую». Тут-то Руся и слетел на дорогу на каком-то из поворотов. Отряхнул пыль с коленей, поплевал на ободранный локоть. Прихрамывая, поплёлся вслед за уехавшей коляской. Его обогнала целая ватага мальчишек. Мальчишки сочувственно улыбались.

– В Воронцово, небось, мчался? Айда с нами! Отсюда и пешком недалече!

Воронцовская дача была окружена высоким забором. Москвичи целыми семьями ходили к таинственной даче. Правда, разглядеть толком ничего не могли. Зато имели возможность беспрепятственно нанюхаться пренеприятнейшего запаха, оттуда в избытке доносившегося.

Вместе с другими мальчишками Руся подошёл поближе к главному входу. Слева и справа от ворот стояли округлые кирпичные башни, со стрельчатыми окнами и белыми ажурными колонками сверху.

Поскольку никакого шара отсюда видно не было, Руся, задрав голову, стал с интересом рассматривать башни. Ему представилось, что это башни старинного рыцарского замка. Сейчас из замка выйдет заколдованный... э-э... ну кто-нибудь выйдет и...

Из караульни вышел фельдъегерь с хлыстиком в руках, повернулся к стайке мальчишек и поманил пальцем.

– Эй! А ну-ка сюда!

– Это фельдъегерь! Бежим! А то щас хлыстом-то ожжёт.

Дети кинулись врассыпную.

– Стой! Да стой же!

Замечтавшийся Руся уставился на его мундир своими круглыми карими глазами. Потом опомнился, дёрнулся было, да понял – убежать поздно. К воротам со стороны дороги подъезжали всадники в тёмно-зелёных мундирах. Это были драгуны, охранявшие усадьбу.

– Всё равно поймают, – Руся вздохнул и обречённо направился к фельдъегерю.

– Мальчик, иди сюда. Не бойся. Слушай внимательно. Нужна кошка. А лучше – несколько. За каждую – пятак. Понятно? Подойдёшь к воротам, скажешь – кошку принёс.

Это была удача. У Руси с детства сложились с кошками особые отношения. Кошки Русю обожали. Даже незнакомые кошки через пару минут после знакомства вспрыгивали к нему на колени и мурчали, как заведённые. Окрылённый Руся отправился на охоту.

После полудня он принёс свой полосатый трофей к воротам. Кот лежал на его плече и время от времени тёрся мордой о Русину шею. Караульный строго спросил:

– А ты куда?

– Вот, – Руся, немного смущаясь, показал кота.

– Кошку принёс? Ты, брат, сам её тащи в усадьбу. А то намедни принесли – вырваться стала, насилу поймали. Так она – прапорщику всю физиономию расцарапала – и в кусты. Сбежала, стало быть. Не знала, дурья башка, что её у нас жирные мышцы ждут. – А ты, парень, иди по аллее прямо до господского дома. Спросишь фельдъегеря Йордана, его там все знают.

Руся, поддёрнув свой мохнатый воротник, двинулся вперёд по широкой длинной аллее. В нетерпении он прибавил шаг – ему хотелось увидеть настоящий аэростат как можно скорее.

Аллея вывела Русю ко дворцу. Лодка-гондола находилась прямо перед его окнами. Мальчик присмотрелся к лодке получше. Она была... плетёной! Походила на корзину странной формы, или на садок для рыбы.

Мальчик спросил Йордана.

– Они заняты, – ответили ему, – вишь, малый шар испытывают. А кошку отнеси вон к тому флигелю, где швейный цех.

Руся замер в нерешительности:

– Мне за неё деньги обещали.

Мальчик ещё немного потоптался на месте, и бочком-бочком двинулся в сторону покачивающегося на швартовых аэростата. Он решил отдать кота Йордану лично в руки. К тому же в той стороне, где шар, было гораздо интереснее.

– Трави, трави понемногу! – кричал какой-то человек в военном мундире с борта гондолы другим, суетившимся у нижних концов канатов. Лицо у кричавшего было покрыто многочисленными свежими царапинами.

– Ага, наверное, это тот прапорщик, – ухмыльнулся Руся.

Шар, однако, не очень-то хотел улетать. Он поднялся на три-четыре метра над землёй и повис, как привязанный. На борту лодки были ещё люди. Расцарапанный сорванным голосом командовал им:

– Навались! И-и – раз! И-и – два!

Руся догадался, что они хотят привести в действие вёсла-крылья. Аэростат напоминал Руське объевшегося дракона: брюхо толстое, а перепончатые крылышки – махонькие. Игрушечные крылышки не могли сдвинуть раздутое драконье тулово с места.

– И-и – раз, и-и – два! – надрывался осипший голос сверху.

Внезапно Русе показалось, что дракон вывихнул себе крыло: оно совсем перестало двигаться. За первым бессильно замерло и второе.

Ругаясь по-немецки на чём свет стоит, вверх по веревочной лестнице полез какой-то человек в чулках и башмаках. Руся понял, что он тут главный.

– Опять рессора лопнула, – заметил кто-то неподалёку. – Вот тебе и англицка сталь.

– Ну, стало быть, надо крылья откреплять.

Не успел Руся оглянуться, как заскрипели лебёдки, и рабочие, словно термиты, споро и аккуратно лишили дракона его крыльев.

Надо было выяснить, кто же здесь Йордан. Руся почему-то подумал на того сердитого немца. Мальчик мялся, не решаясь спросить. Он боялся попасть под горячую руку. Люди вокруг были хмурые. Казалось, даже воздух вокруг наэлектризован, как перед грозой.

Тут раздался гром. Точнее – лай. Оглушительный собачий лай!

Кот взвыл и молнией метнулся в сторону, оцарапав Русе шею и грудь. Руся с воплем бросился за своим удиравшим трофеем.

Котьяра пулей долетел до каната и, повинувшись инстинкту, стал карабкаться наверх, в опустевшую гондолу. Руся полез туда же, только по верёвочной лестнице.

Здоровенная псина не унималась. Кот, зацепившись когтем за веревку, застрял между небом и землёй, и заорал благим матом.

Руся тянулся к коту, но не доставал. Поднялся ветер. Канат мотало. Верёвочная лестница раскачивалась.

Наконец, кто-то прикрикнул на собаку. Лай внизу прекратился.

Кот сделал судорожный рывок, расстался с когтем и полетел вниз. Кувырнувшись в воздухе, он приземлился на голову расцарапанному в мундире и всеми уцелевшими когтями впился бедняге в лицо. Тот взвыл от боли и негодования, и выпустил из рук конец каната, которым швартовал гондолу. Канат удавом заскользил по вытоптанной траве. В суматохе этого никто не заметил.

Не пришвартованный, шар медленно поплыл вверх.

Руся глянул вниз, и обомлел. Мама моя! Земля была далеко, и уходила всё дальше и дальше.

– Мальчик, спускайся! – кричали ему люди.

Быстро спуститься до нижней перекладины, и – прыгнуть. Надо решаться! Руся застыл в сомнении. Нет, поздно! Это ведь не в воду прыгать. Земля – она твёрдая...

Конец верёвочного трапа уже не волочился по земле, а висел в воздухе. Аэростат поднимался всё выше и выше. Момент был упущен.

Руся судорожно вцепился в перекладину. Мамочка, что же делать?

Вдруг снизу послышался пронзительный девичий вопль:

– Ру-у-ся-а!

Руся опустил голову. Там, на земле, он увидел чёткую тень от гондолы, и бегущую ей вслед девочку.

– Ру-у-ся-а! Держи-и-ись! – кричала девочка, задрал голову в небо.

Лушка?! Это же она!

– Лу! Я держусь! – заорал Руся.

Он вдруг понял, что не всё ещё потеряно.

Нужно стать капитаном этого корабля! Руслан собрал волю в кулак и медленно полез кверху, на борт влекомого ветром аэростата.

Полёт

Оглохший от ветра Руся мешком перевалился через борт, на свежооструганные доски палубы. В гондоле было относительно тихо. По крайней мере, здесь не било по лицу и ушам тяжёлое покрывало воздушного потока.

Мальчик с облегчением перевёл дух.

Пальцы не разгибались: пожалуй, он держался за перекладыны чересчур крепко. Ожидая, пока к нему вернётся временно утраченная возможность ковырять в носу, он бездумно сидел на палубе, привалившись спиной к борту. Это было неизмеримо приятнее, чем болтаться на трапе, да ещё с наветренной стороны.

Аэростат уверенно двигался вперёд. Руся, как ни странно, почувствовал себя в безопасности. Он посидел ещё немного. Потом ещё.

– Пожалуй, нам пора, – осторожно предположило Русино любопытство голосом медвежонка Пуха.

Руся хмыкнул. Это был их с Лушкой пароль. Отзывом считались слова Кролика.

– Ну, если вы больше ничего не хотите... – проговорил Руслан за Лушу её реплику, раз уж сестры рядом не было, и с интересом высунул голову наружу.

Зрелище было просто фантастическое. Испустив двойной вопль страха и восторга, Руся окунулся в небо и ветер. Расширенными от восхищения глазами мальчик глядел на землю и круглящийся внизу горизонт. С высоты птичьего полёта он видел блестящие ленты рек и речушек, желтеющие поля, перелески. Позади, на востоке, раскинулся на холмах волшебный город в царственном сиянии августовского солнца: это была Москва.

Она была вся как на ладони. Как снимок со спутника, высвеченный на компьютерном мониторе. Но Руся не мог придвинуть её к себе курсором. Москва – не выпуклая трёхмерная обманка, а самая что ни на есть настоящая Москва – уплывала от него, чуть покачиваясь вместе с горизонтом.

Отодвигались и казались игрушечными её дворцы, башни и сверкающие на солнце кресты колоколен. Растворялся в дрожащем воздухе жар и блеск её куполов, в изобилии рассыпанных среди зелени садов и бульваров.

Руся сощурился от ветра. Сквозь ресницы маковки церковью показались мальчику золотыми яблоками в заповедном саду, от которого его всё дальше и дальше уносил безжалостный ветер.

Устав от впечатлений, Руся улёгся на палубу, грея ладонями замёрзшие уши, и на какое-то время даже задремал.

Ему чудилось, что он во дворе дома и хочет спрыгнуть с гаража. Внизу стояла Луша. Она беспокоилась и всё повторяла – слезай, я маме расскажу. Руся делал вид, что не слышит и примеряясь, топтался на краю крыши. Наконец, он прыгнул, и уже в полёте понял, что гараж многоэтажный...

Руся в испуге открыл глаза. Явь тоже была тревожной.

Солнце уже не стояло в зените. Шар опустился ниже. Тень его, скользящая по земле, стала заметно крупнее. Внизу обнаружилось скопление войск. Множество военных – пеших и конных, в разного цвета мундирах – двигались вдоль дороги сплошным потоком.

Тень аэростата следовала параллельно, встречным маршем. Такая проворная с утра, она уже не бежала, а устало ползла. Ветер, как назло, поутих. Вскоре аэростат завис прямо над дорогой.

Русю заметили – внизу закричали, забегали, замахали руками, позадирали кверху ружья. Руся увидел облачка дыма и услышал выстрелы. Оп-па! Что это они, по мне стреляют?

Тюк-тюк, глухо застукали пули по плетеной обшивке. Если прострелят оболочку, я рухну к этим приятелям... то есть неприятелям... вместе с шаром. Э, да у них и пушки есть... наверное...

– Я им покажу! Я им такой тюк-тюк устрою!

Мальчик заметался по гондоле. На корме лежали мешки с песком. Руся вцепился в один и волоком подтащил его к люку.

– А вдруг это наши? – внезапно спохватился он, потирая переносицу. Мальчик прислушался. – Не-ет. Кричат вроде не по-русски... Тяжёлый, зараза!

Руся сдвинул крышку люка и столкнул балласт в образовавшуюся дыру.

– Ага!!! – Мешок упал прямо на телегу, идущую в середине обоза. – Есть!

Послышались громкие крики и испуганное лошадиное ржание. Свалившийся с неба мешок, похоже, внёс смятение в размеренное движение войска. Руся в азарте схватился за второй. Бах! Так-то! *Бомбарда максима!*

Эх, если бы у него были настоящие снаряды! Ну-ка, ещё!

«Бомбардир» поднатужился, и очередной балласт полетел вниз. Теперь выстрелы были почти не слышны, – шар снова набрал высоту и его уносило в сторону. Мешки с песком кончились. Резервов больше не было, но фанат воздушной артиллерии ещё долго в беспечном воодушевлении пританцовывал босыми ногами и выкрикивал: «Йес!» и «Раша, Раша, победа будет наша!»

Близился вечер. Высокое летнее небо плавно вращалось на запад. Вместе с ним медленно двигался летучий корабль, озарённый оранжевым вечерним светом. Внизу петляла река, в её зеркальных изгибах блистало клонящееся к закату солнце.

Шар неторопливо снижался: шёлковая оболочка из тафты пропускала водород.

Руся, наконец, признался себе, что шар не может летать вечно. Пора было подумать о приземлении. Руся стал осматривать снасти.

Он давно приметил рукав с клапаном, выходящий из оболочки аэростата, к которому была привязана веревка.

– Интересно, это что за хобот? Газ, что ли выпускать? Ну, точно! Значит, это – тормоз!

Вовсе это был не тормоз. Но отворив клапан, действительно можно было выпустить излишек газа.

«Хобот» был устройством для выравнивания давлений. На оболочку воздушного шара снаружи всегда давит воздух, а изнутри – заполняющий её газ. На большой высоте давление воздуха заметно меньше, чем у поверхности земли. Если шар поднимется очень высоко, а давление водорода в нём останется прежним, он может взорваться.

В истории воздухоплавания уже были известны трагические случаи, когда водород распирал оболочку изнутри и разрывал шар. Поэтому инженер Леппих и снабдил аэростат подобным устройством.

Этого Руся не знал. Однако догадался, что теоретически клапаном можно было бы воспользоваться для управляемого быстрого снижения.

– Вот именно что – теоретически, – с сомнением вздохнул он.

Между тем аэростат и без посторонней помощи опустился так низко, что до Руси донёлся еле уловимый запах костра. Послышались отдалённый смех и крики, плеск воды. На берегу и в воде шевелились маленькие фигурки. Кто-то купался на излучине.

Чуть ниже по течению река делала широкую петлю и поворачивала на юг. Шар, меж тем, двигался по прямой и уверенно стремился к лесу.

Лес вообще-то не самая лучшая площадка для приземления аэростата. Перспектива повиснуть на суку Русю не прельщала. Нет, уж лучше в воду.

Пусть это было неверное решение, но это было решение.

Руся принялся довольно нервно расковыривать завязанный клапан. Не получалось. Тогда он с остервенением дёрнул за верёвку. С тихим шипением водород устремился вон из оболочки.

Шар так резко пошёл на снижение, что у Руси желудок толкнулся о ребра. Стало страшно. Запаниковав, он сделал нелепую попытку завязать рукав обратно. Куда там!

Бросив бессмысленную возню с клапаном, Руся ринулся на корму. Он вскарабкался на борт гондолы и выпрямился, держась рукой за канат.

Купавшиеся с криками бросились врассыпную.

Руся отчаянно заорал и спрыгнул с борта навстречу ветру.

Водяной

С шумом и плеском гондола обрушилась в реку. Опавшая шёлковая оболочка какое-то время колыхалась на берегу. Затем распласталась гигантской дохлой камбалой, окончательно испустив водородный дух.

Из камышей высунул голову водяной, облепленный тёмными лохмотьями тины. Бедняга задыхался и отплёвывался. Кое-как прокашлявшись, он устремился к берегу, разгребая воду руками. Выполз на низкий заболоченный берег и, шатаясь, поднялся на ноги.

Существо было небольшого роста, с прилипшими к голове волосами. Его довольно тщедушное туловище было облечено в позеленевшую от водорослей мокрую пижаму. Это был никто иной, как Руслан Раевский собственной персоной. Впрочем, в таком виде его бы и родная мама не узнала.

Тряся головой и стирая зелёные клочья с ушей, водяной, словно намагниченный, побрёл вдоль берега. Он плёлся в сторону адской машины, свалившейся с неба.

Сногсшибательное появление летающей адской конструкции потревожило не только русалок, рыб и лягушек. Капрал Огюст Руже, командир отряда французских фуражиров, в очередном письме своей невесте сообщал об этом инциденте следующее: «наше купание было внезапно прервано чудовищным агрегатом, упавшим на наши головы с внезапно разверзшихся небес».

Откомандированные начальством за кормом для армейских лошадей, французы несколько часов безрезультатно пропылили по ухабистым российским дорогам от селения к селению. Селения были пустынные, селяне растворились, как мираж в знойном воздухе Московии.

А их ещё пугали русскими холодами! Пекло стояло изрядное.

Раздобыть фураж, а попросту говоря – сено, им пока так и не удалось. Утомлённый безрезультатным блужданием отряд устроил привал на берегу реки. От воды пахло тиной. Всем хотелось освежиться.

Французы, раздевшись до подштанников, полезли в воду. Расстёгнутые заскорузлыми пальцами мундиры обнаружили белые животы и спины.

Доблестные вояки уже были отмечены почётным солдатским загаром. Загар этот делает лица, шеи и кисти рук кирпично-красными, а далее по телу обычно не распространяется – очевидно, в строгом соответствии с военным регламентом.

Купальщики брызгались и плескались с видимым наслаждением. Они смеялись, ухали и отчаянно гримасничали, окатывая водой свои волосатые торсы.

Падение с неба диковинного агрегата повергло храбрых солдат императора в закономерное, но не предусмотренное уставом волнение.

Не умевший плавать рядовой Бийяр едва не захлебнулся неожиданно мощной волной. Другой рядовой, суеверный Плате, был обнаружен его товарищами много позже, в изрядном отдалении от места крушения. Он казался насмерть перепуганным и держал головастика в зубах.

Прочие выскочили из воды и по-обезьяньи ловко вскарабкались на противоположный от бивака крутой берег. Сильно жестикулируя и крича, они ещё долго не решались приблизиться к месту падения подозрительного пиротехнического сооружения.

Меж тем, никем в суматохе не замеченный, водяной дотащился до французского бивака.

Над опустевшей отмелью вился дымок. Торчали вверх штыками ружья, приставленные к кривой сучковатой рогатине, вбитой в землю. Кучками лежала амуниция, валялись солдатские мундиры и обувь.

Мундирами водяной заинтересовался. Приложил к своему тщедушному туловищу один, потом другой. Он явно хотел приодеться! Но – не тут-то было. Все они были сшиты полковым портным в расчёте на широкие мужские плечи. Нет, велики, не годятся. Солдатские пожитки полетели обратно на речной песок.

Рядом стояла телега с пустой упряжью. Лошадь отсутствовала – выпущенная пастись, она, очевидно, поддалась общему волнению и сбежала.

Водяной явно был голоден. В поисках еды он опрокинул котелок – из него потекла вода, заливая и без того еле трепыхавшееся пламя костерка. Зашипели тлеющие головёшки.

Вдруг в тени телеги что-то зашевелилось, и оттуда выставилась по-мальчишески узкая рука. Владелец руки, похоже, спал непробудным сном. Во сне он лопотал что-то по-французски.

– Сдавайтесь! Сдавайтесь! – донеслось из-под телеги довольно разборчиво. Водяной, сунувшийся было под телегу, вздрогнул и замер.

Послышался лёгкий храп. Водяной вздохнул с облегчением. Потом снова насторожился – спящий повернулся набок и высунул вторую руку.

Через минуту руки эти были крепко связаны, а на водяного из-под телеги испуганно уставилось заспанное мальчишеское лицо. Обитатель речных глубин, выставив вперёд ружье, на чистом французском велел парню вылезти.

Критически осмотрев пленного, который ростом был всего на полголовы выше, он тонким срывающимся голосом скомандовал, тоже по-французски:

– Снимай штаны и башмаки!

Француз в недоумении потряс связанными спереди руками, потом выразительно повертел бёдрами. Однажды на ярмарке он видел трюк с раздеванием: заезжий иллюзионист ухитрился раздеться до подштанников с завязанными руками. Однако сам парень так не умел.

– Тьфу ты! Вот зараза! – выругался водяной на местном диалекте, глядя на пантомиму потерявшего дар речи французика. – Давай-давай, ногами работай! Всё равно не развяжу!

Пришлось раздеваться. Под прицелом ружья французцу удалось проделать это не хуже фокусника. Штаны-кюлоты, гетры, башмаки и мундир, вытащенный из-под телеги, вскоре попали в распоряжение пришельца.

– Ты кто такой?

– Сын полка вольтижёров Николая Виньон.

– Плавать умеешь, Коля?

Французик закивал.

– В воду! Плыви на тот берег. Живо!

Едва только французский мальчишка добрался до противоположного берега, водяной забросил за спину ружьё, сгрёб в охапку амуницию, и, прихватив с телеги полотняную суму с длинной ляжкой, кинулся прочь от реки. Периодически останавливаясь, и перехватывая поудобнее свою добычу, он, стуча пятками, бежал по пыльной дороге в сторону ближайшего леса.

В плену у своих

Добравшись до леса, Руся остановился и перевёл дух. Снял с плеча ружьё, и полез в полотняную сумку. Он почему-то был уверен, что в сумке должны быть патроны. На деле в сумке лежал сухарь и по меньшей мере горсть сухарных крошек. Другого и ожидать нельзя было – сумка-то так и называлась «сухарной», только откуда водяному было про это знать...

Нельзя сказать, что сухари вместо патронов Русю разочаровали. Напротив. Мальчик жадно сунул в рот сухарь и начал, сопя и хрустя, переодеваться.

Содрал с себя прилипшую буро-зелёную пижаму. Выковырял из кармашка мокрых штанов оловянного солдатика. Надо же, не выпал! Задумался, легонько подбрасывая его на ладони. Как бы не потерять!

На левом запястье у Руси красовался кожаный плетёный браслетик, подарок сестры. Мальчик зубами растеребил узелок, подцепил ремешком фигурку за согнутую руку, затянул потуже. Поболтал рукой – вроде бы держится крепко.

Натянул синие кюлоты – застёгивающиеся под коленкой короткие штаны со смешным пузырьком на задку. Ну и фасончик! Наклонился, потом присел. Встал, подёргал ногами – ну да, в общем-то, удобно. Кое-как приспособил серые полотняные гетры.

Рубаху Руся великодушно оставил владельцу, а жилет забрал – теперь пришлось надеть его прямо на голое тело.

Дошла очередь до мундира. Руся встряхнул его, повертел туда-сюда, рассматривая. Мундир был синий, со стоячим воротником цвета светлой замши и такими же обшлагами. Сзади у мундира обнаружились синие хвосты с отворотами. Руся знал, что это фалды, но ему всё равно почему-то хотелось называть фалды хвостами. Впрочем, золотые охотничьи рожки на отворотах «хвостов» Русе приглянулись.

Мальчик накинул мундир, и начал обуваться.

– Наверняка будет великоват, однако выбирать не приходится, – подумал он, решительно засовывая ногу в башмак.

Вскоре по пыльной дороге, ведущей на восток, шагал, прихрамывая, маленький французский вольтижёр – с одиноким сухарём в животе и грустными карими глазами.

Спускались сумерки. Из низин пополз туман. Угли заката едва тлели у горизонта, присыпанные бледно-серой небесной золой. Вдалеке раздался низкий протяжный гул – бу-бу-ух.

– То ли птица, то ли бык? – поёжившись, подумал Руся.

Дорога вывела Руслана к старому сельскому кладбищу. Меж берёзовых стволов прятались заросшие папоротником и иван-чаем холмики могил. Руся замедлил шаг. Темнели покосившиеся, полусгнившие деревянные кресты. Паутина, вся в каплях росы и прилипших сухих былинках, блёкло светилась в зелёном полумраке. Сырой прохладный воздух пах прелым листом и грибами.

– Грибы – это хорошо, – мечтательно улыбнулся мальчишка, шмыгая носом. – Как это я сразу не сообразил. Днём поищу.

Вот и хоббиты любят грибы. Руся вспомнил недавно перечитанную книжку, и ему представились свирепые орки, гигантские пауки и прочая нечисть. Но это сказки. Этого бояться нечего. Мальчик зябко передёрнул плечами.

– Рядом с кладбищем должна быть деревня, – утешил он себя. – Дойду, и где-нибудь там в сарае заночую. – Он подумал о деревенских огородах, представил себе сочную сладкую морковку и сглотнул слюну.

Хрустнула ветка. От бугристого ствола старой берёзы отделилась тень. Руся обернулся, прислушался. Всё тихо. Видно, померещилось. Да мало ли живности кругом, мыши там какие-нибудь, или ещё кто...

Надсадно закричала ночная птица. Ей вторила другая. Всё равно жутковато. Надо бы поторопиться, скоро совсем стемнеет. Одни берёзовые стволы белеют, а всё остальное – не различишь, слилось в сыром пахучем сумраке. Руся, едва сдерживая бившую его дрожь, прибавил шагу.

Тень метнулась за ним. Здоровенная ручища зажала Руслану рот, а другая крепко схватила поперёк живота. Огромная косматая фигура, держа под мышкой отчаянно брыкавшегося мальчишку, скрылась в зарослях бузины и боярышника.

Ещё несколько мгновений качались сырые ветки, а потом вновь стало тихо. Дорогу заволокло белыми лоскутами тумана. В далёком болоте снова бубухнула выпь. И впрямь, точно бык проревел.

Светало. Ликующий крик в клочья разодрал сонную дымку, висевшую над окрестными холмами. Это несъеденный французами петух горнистом пропел зорю сельскому гарнизону. Слушая победное кукареканье, отставной полковник Курятников довольно улыбался. Фуражиров в село Курятниково пускать не собирались.

Добросовестный служака Кузьма Ильич Курятников не понаслышке помнил Суворова и его победы. В отставку он вышел ещё в екатерининские времена. С тех пор жил в своём родовом имении Курятниково, и, согласно моде прошлых лет, по-прежнему носил кафтан и напудренный парик с косицей.

Когда «франц» подошёл ближе, старый барин, даже не помышляя об отъезде, остался в своём имении. Сельчане и дворовые вооружились топорами, вилами, косами.

Отставной полковник армейской кавалерии принял командование.

Каменный господский дом на холме – с высокой кровлей, крашеными деревянными колоннами у парадного входа, балконом и цветником перед окнами – стал партизанским штабом.

Каждое утро Кузьма Ильич выходил на балкон. Слушал петуха, осматривал окрестности и принимал донесения доморощенной разведки.

Нынче утро выдалось погожее. Розовела в косых рассветных лучах белёная колокольня небольшой Курятниковской церкви. Внизу, под балконом, в заросшем сорной травой цветнике, сияли капли росы.

На балконные перила села пёстренькая славка. Из дверей наружу высунулась стриженная под горшок кудлатая голова. Пичуга вспорхнула, испуганно свистнув. Барин обернулся.

– Что? С уловом?! А?! Славно! Ай, молодцы! – старик задорно крякнул и притопнул ногой. – Наконец-то! Порадовали старика!

Насвистывая марш, он покинул свой пост. Запели старые деревянные ступени. Барин спустился по лестнице вниз, в обставленную старинной мебелью гостиную. Сюда уже привели пленного француза.

Вчера, поздно вечером, его поймал на дороге деревенский кузнец. Пленник провёл ночь в запертом на висячий замок сарае. Теперь нужно было произвести допрос взятого «языка». Так, по-военному, называл пойманного француза Кузьма Ильич.

На парадном дворе, под окном, уже собралась кучка любопытных в лаптях, в рубахах поверх портков. Они шептались и подпихивали друг друга локтями.

– Французишка-то – мелкий какой!

– Из вольтижёров, они все ростом невеликие.

– Это чего ж? Кто такие?

– Ну, которые похрабрее, а в гренадеры ростом не вышли, тех, мол, в вольтижёры записывают. Застрельщики они, во как. Ну, егеря, по-нашему.

– И откуда ты всё знаешь?

– А он под окном сидит часто. Сидит – уши развесит...

– Да тише вы, не слышно ничего.

Раздался строгий голос барина. Барин говорил по-иностранному. Отставной полковник Курятников допрашивал пленника по всей форме – какого тот полка, под чьей командой, где его товарищи.

Французик молчал. Вид у мальчишки был слегка смущённый, будто он не выучил урока и оттого не знал, что отвечать. Он думал-думал, да так и ответил – «не знаю». Это было сказано честно, коротко и по-французски.

Под окном послышались сопение и возня.

– Что говорит-то?

– Отпирается.

Старый барин прошелся взад-вперёд, скрипя сапогами и паркетом, и снова повторил вопрос. Пленник замаялся, потом пространно объяснил на хорошем французском, что он на самом деле никакой не француз, потому и не может ответить на все эти вопросы.

– Ну, что там? – послышался шёпот из-под окна.

– Да всё то же. Отпирается!

– Отвечайте сию же минуту, кто вы тогда такой? – теряя терпение, громко картавил Кузьма Ильич.

– Да свой я, русский, – растерянно отвечал мальчишка, всё ещё по-французски.

– Русский?? – поразился барин, перейдя на родной язык. Он негодуяюще хлопнул себя по коленке. С парика посыпалась пудра.

– А?! Да ты... ты говорить-то по-русски умеешь?

– Конечно! – звонко возмутился пленник на чистейшем русском языке. И, взглянув исподлобья своими большими карими глазами, довольно непочтительно пробурчал себе под нос:

– Уж не хуже вас.

Барин крякнул от изумления, как будто заговорил письменный стол или напольная ваза из китайского фарфора.

– А?! Что?? Языка, называется, достали! – воскликнул он с досадой. – Гришка! А?! Гришка! Ты кого мне привёл?!

Гришка виновато развёл руками, замычал что-то нечленораздельное. Под окном зашептались:

– Кричать изволят. Недовольны.

– Слышь-ка, не француз он никакой.

– Может, шпиён?

– Да ты погляди на него – мальчонка совсем.

– А по-ненашенски ловко лопочет. И в мундире в ихнем... Шпиён, не иначе.

– Будет тебе шпиён во французском мундире-то ходить!

– А можа он переодеться не успел.

– Но-но. Мели, Емеля...

– А вот, сказывают мужики, ввечеру-то адова громадина у Косого брода взорвалась. Вроде как с неба свалилась! Супостаты небось запустили...

– А ты что молчал? – тем временем напустился на Русю отставной полковник. – А?!

– Да я говорил... Дядьке тому, который меня скрутил. А он мне тряпку в рот сунул.

– Говорил... Ты говорил, да он тебя не услышал.

– Да я орал, вообще-то.

– Орал... Вот он тебе кляп и вставил... И нечего было так рот разевать. – Его превосходительство с досадой махнул рукой. – Глухонемой он.

Видно было, что его превосходительство немного смягчился.

– Развяжи-ка его, Григорий, – и барин выразительно помахал руками в сторону пленника. Кудлатый чёрнобородый Григорий кивнул, развязал Руське руки и вопросительно поглядел на барина.

– Иди, голубчик, иди, – махнул тот немому. Потом присел на стул и с интересом уставился на мальчика.

– Ну, рассказывай теперь по порядку – кто таков, куда путь держишь.

Руслан медленно поворачивал затёкшими запястьями. Потом, осторожно подбирая слова, чтобы не ляпнуть лишнего, начал свой рассказ.

Он вкратце рассказал про Воронцово и огромный дирижабль, про мышей и кота, из-за которого он улетел в небо, про сестру, оставшуюся внизу, про полёт и приземление, а точнее приводнение, и про мальчишку-француза, у которого отобрал мундир и башмаки.

Чем дальше Руся говорил, тем больше смущался. На словах всё получалось как-то уж совсем по-суперменски. Однако распространяться о том, как у него тряслись поджилки, Русе тоже не хотелось. Эти подробности он почёл за благо опустить. Наконец, мальчик с облегчением замолчал.

– Так вот значит, что за диковина у Косого брода свалилась. Мне уж разведка донесла, что с неба в реку черти попадали. Я думал – брешут, народ-то у нас суеверный... А ты, брат, оказывается, ловок, – одобрительно заметил барин, глядя на покрасневшего Русю с удивлением. – А с виду и не скажешь... Ну, оставайся пока у нас. Теперь всякий человек на счету. Ты, к тому же, не с пустыми руками пришёл – ружьё принёс. Идёт?

Руся не отвечал, как будто решался на что-то.

– А?! Что молчишь? Как тебя, то бишь... Руслан? Так идёт или нет?

Тут Руся, кроме кляпа, со вчерашнего дня маковой росинки во рту не державший, выпалил:

– А поесть дадите?

Партизанщина

Русю ждала дымящаяся тарелка суточных щей. Он мигом схватил ложку и принялся заглаживать щи, обжигаясь и швыряя. Оголодавшему Русе казалось, что вкуснее он ничего в жизни не едал. И горячее, кстати, тоже.

Уписав тарелку щей, Руся взялся за пирог с кашей.

– Кушай, милый, кушай, – приговаривала старушка-ключница, подсовывая ему то солёных рыжиков, то мочёных яблок. Руся только тряс головой в знак благодарности, и уплетал за обе щёки.

Сытого и слегка осоловевшего Русю Курятников вызвал в гостиную. Здесь, глядя на разложенную на столе карту-схему, собственноручно нарисованную, Кузьма Ильич стал подробно расспрашивать незадачливого аэронавта, что тот видел сверху, пока летел.

Руся понял, что разведка была бы более успешной, если бы разведчик по-меньше спал и вообще был слегка повнимательней. Впрочем, Курятников выглядел довольным. Новость о полёте аэростата вызвала в нём небывалый прилив энтузиазма.

– Та-ак, значит французские войска видел? А потом тебя унесло... Солнце-то где было? А?! По левому борту? Ну-ну. Высоко стояло? Ну, точно, на запад летел. А потом вправо понесло? На север, выходит... А потом вроде снова на запад. Та-ак. А фуражиров ты видел прямо у Косого брода. Ну, это я уже отметил. – Ну вот, смотри. – Полковник нагнулся над картой и ткнул в неё пальцем. – Смоленск взяли. – Звучный голос его превосходительства дрогнул. – Думал я, что теперь у Гжати они. А судя по твоему рассказу – к Можайску подходят.

Руся, слушая, вяло взмахнул воображаемой саблей. Он глядел на карту, стараясь сосредоточиться на булавках с головками из красного и чёрного сургуча, наколотых на неё полковником. Булавки обозначали предполагаемое расположение русских и французских войск. Сосредоточиться не удавалось. В голове всё громче стрекотали кузнечики. Слова его превосходительства звучали, напротив, всё глуше, как из-под тёплого пледа.

– Думаю, даст им Михайло Илларионович генеральное сражение. Давно пора. «Приехал Кутузов – бить французов!» Так ведь в народе говорят. – А?! – сердито гаркнул он и нахмурился.

Задремавший было Руся очнулся. Он оттолкнулся животом от впившегося в него края массивной столешницы, тряхнул головой и испуганно посмотрел на полковника.

– Не подпускать же Наполеона к первопрестольной! А?!!

– К первопрестольной – это к Москве, что ли? – не сразу сообразил мальчик, но вслух уточнять не стал. Он протёр глаза и уставился на карту. – Ой-ой. Там же Луша, – произнёс он вполголоса, а потом додумал про себя: – Надо попасть в Москву до... до французов.

– Мне обратно в Москву надо, – грустно сообщил он Курятникову. – У меня ведь сестра там осталась. Одна.

– А?! В Москву! До Москвы полтора ста вёрст почти. Пешком идти долго. Стопчешь башмаки свои французские. Это для аэростата – сто вёрст – не крик. Лошадь нужна. А? Лошадь не дам. Мало у меня лошадей... – Кузьма Ильич задумчиво почесал лохматую седую бровь.

– Как лучше до Москвы добраться, я тебе, конечно, объясню. На карте покажу. А ты, Руслан, вот что. «*A la guerre comme a la guerre*» – «на войне как на войне», как говорят французы. Сведи у них коня, как за фуражом да за провиантом сюда явятся, и езжай. А?! Эти ждать себя не заставят...

Ближе к вечеру выспавшийся Руся спустился с крыльца во двор, и присел на ступеньку. Рядом вертелись явившиеся с докладом мальчишки.

– Эй, вожжигёр, стрелять-то умеешь? – пацаны смотрели оценивающе.

Руся с сожалением покачал головой.

– Фью, – присвистнул разочарованно один из них, и насмешливо прибавил, – а ещё вож-
житёр.

Руся помолчал. Стряхнул с рукава мундира соринку.

– Вольтижёр, вообще-то, – примирительно произнёс он.

– Да ладно! – и пацан снова свистнул.

Руся было вспыхнул и сжал кулаки. Но тут за него вступился другой мальчишка, повыше
ростом:

– Ты, Сёма, сначала сам француза раздень, а потом свисти, – рассудительно сказал он
вредному. – Верно, Афоня?

– Верно, – важно пробасил Афоня, хмурый плечистый парень лет пятнадцати. – Если
стрелять не умеешь, тогда тебе к нам, в дозорные, – обратился он к Русе. – Мы во-он там,
за околицей, на берёзах по очереди сидим. С них далеко-о видно. Внизу, в кустах, – ещё двое
наших караулят. Они, если что, сразу в село побегут. С донесением.

Кузьма Ильич оказался прав. Ждать гостей долго не пришлось. На другой же день
на дороге показались верховые с подводами. Дозорный на берёзе углядел их издалека, просиг-
налил караулящим внизу мальчишкам. Свистун Сёмка, сверкая пятками, усвистал в Курятни-
ково. Под берёзой из караульчиков остался один Руся.

Через некоторое время синие мундиры повернули свои подводы к стогам на лугу, и спе-
шились, собираясь присвоить себе отличное курятниковское сено. Про засаду они, видимо,
не догадывались, иначе не полезли бы на стога, оставив ружья у телеги.

Двое верховых одним сеном не удовлетворились, а поехали дальше, направляясь в сто-
рону села. Пришла очередь Руси мчаться в Курятниковский штаб со свежими вестями. Когда
французы въехали в село, их здесь уже ждали.

Всадники остановились у ближайшей избы, спешились. Привязали коней и вошли в дом,
требуя угощение. Угощение обошлось им довольно дорого. Руся с мальчишками мигом отвя-
зали и свели французских коней, а несколько мужиков ворвалось в избу. Обоих гостей взяли
живьём – так велел охочий до «языков» Курятников.

«Языков» мужики связали и, радостно галдя, повели к полковнику. Тот уже ждал
на крыльце барского дома. Увидев процессию, он приосанился, одёрнул кафтан. Потом сурово
поглядел на пленников, и обратился к главному по-французски.

Тут с «языками» вышел конфуз: «францы» оказались вовсе не французами. Старший
из них, в синем гусарском доломане с серебряными шнурами на груди, был, похоже, немец.
Он отвечал, мешая немецкие фразы с французскими. Получалась сушая абракадабра.

– Тьфу! Толку не добьёшься! – в сердцах плюнул полковник. – А?! И как они друг друга-
то понимают!

Но тут к нему протиснулся Руся, спросил шёпотом:

– Можно мне, Кузьма Ильич?

– Валяй! – одобрил его превосходительство.

Руся заговорил с пленником по-немецки – тот оказался прусским гусаром. Он отрывисто
отвечал, угрюмо разглядывая Русин мундир. Курятников всё расспрашивал, Руся переводил.
Выяснилось, что Наполеон, и правда, под Мо-жайском, и что, похоже, готовится крупное сра-
жение.

Второй «француз» – в щеголеватом сине-красном уланском мундире и штанах с крас-
ными лампасами – оказался поляком. Этот, хоть и был взят пруссаками в качестве пере-
водчика, по-русски говорил неважно. С ним, конечно, можно было объясниться и на лома-
ном русском, но Руся – ради эксперимента – попробовал заговорить по-польски. Получилось

неплохо, – удовлетворённо отметил про себя новоявленный толмач. Говорливый поляк бойко и охотно отвечал. Сведения, полученные от немца, подтвердились. Пленных повели в сарай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.